

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Н.В. Солнцев

Русская философия
Имена. Учения. Тексты

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

2001-5

3578

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

серия основана в 1996 г.

Московский Государственный Социальный Университет

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Имена. Учения. Тексты

Автор-составитель Н.В. Солнцев

Издательский Дом
«ИНФРА-М»

ВЕСЬ
МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
2001

Г.В. ПЛЕХАНОВ

К вопросу о развитии монистического взгляда на историю

Глава пятая. Современный материализм

Несостоятельность идеалистической точки зрения в деле объяснения явлений природы и общественного развития должна была заставить и действительно заставила мыслящих людей (то есть не эклектиков, не дуалистов) вернуться к материалистическому взгляду на мир. Но новый материализм не мог уже быть простым повторением учений французских материалистов конца XVIII века. Материализм воскрес, обогащенный всеми приобретениями идеализма. Важнейшим из этих приобретений был диалектический метод, рассмотрение явлений в их развитии, в их возникновении и уничтожении. Гениальным представителем этого нового направления был Карл Маркс.

...Чтобы понять исторические взгляды Маркса, нужно припомнить, к каким результатам пришла философия и общественно-историческая наука в период, непосредственно предшествовавший его появлению. Французские историки времен реставрации пришли, как мы знаем, к тому убеждению, что «гражданский быт» — «имущественные отношения» составляют коренную основу всего общественного строя. Мы знаем также, что к тому же выводу пришла, в лице Гегеля, и идеалистическая немецкая философия — пришла против воли, вопреки своему духу, просто в силу недостаточности, несостоятельности идеалистического объяснения истории. Маркс, усвоивший себе все результаты научного знания и философской мысли своего времени, вполне сходит относительно указанного вывода с французскими историками и с Гегелем. Я убедился, говорит он, что «правовые отношения и государственные формы не объясняются ни своей собственной природой, ни так называемым общим развитием человеческого духа, но коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называл «гражданским обществом», анатомию же гражданского общества надо искать в его экономике».

Но от чего же зависит экономия данного общества? Ни французские историки, ни социалисты-утописты, ни Гегель не могли ответить на это сколько-нибудь удовлетворительно. Они — прямо или косвенно — все ссылались на человеческую природу. Великая научная заслуга Маркса заключается в том, что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что он на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся ре-

зультат исторического движения, причина которого лежит вне человека. Чтобы существовать, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя необходимые для него вещества из окружающей его внешней природы. Это заимствование предполагает известное действие человека на эту внешнюю природу. Но, «действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу». В этих немногих словах содержится сущность всей исторической теории Маркса, хотя, разумеется, взятые сами по себе, они не дают о ней надлежащего понятия и нуждаются в пояснениях.

...Человек — животное, делающее орудия, — есть вместе с тем и общественное животное, происходящее от предков, живших в течение многих поколений более или менее крупными стадами. Для нас не важно здесь, почему наши предки стали жить стадами, — это должны выяснить, и уясняют зоологи, — но с точки зрения философии истории в высшей степени важно отметить, что с тех пор, как искусственные органы человека стали играть решающую роль в его существовании, сама общественная жизнь его стала видоизменяться в зависимости от хода развития его производительных сил.

...Искусственные органы, орудия труда, оказываются, таким образом, органами не столько индивидуального, сколько общественного человека. Вот почему всякое существенное их изменение ведет за собой перемены в общественном устройстве.

...В зависимости от характера производительных средств изменяются и общественные отношения производителей друг к другу, изменяются отношения их совместной деятельности и их участия во всем ходе производства. С изобретением нового военного орудия, огнестрельного оружия, необходимым образом изменилась вся внутренняя организация армии, равно как и все те взаимные отношения, в которых стоят входящие в состав армии личности и благодаря которым она представляет собою организованное целое, наконец, изменились также и взаимные отношения целых армий. Общественные отношения производителей, общественные отношения производства меняются, следовательно, с изменением и развитием материальных средств производства, то есть производительных сил. Отношения производства в их совокупности образуют то, что называется общественными отношениями, обществом, и притом обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития, — обществом с определенным характером. Такие своеобразные совокупности отношений производства представляют собою античное общество, феодальное общество, буржуазное общество, и каждый из этих видов общественной организации соответствует, в свою очередь, известной ступени развития в истории человечества.

...До Маркса люди общественной науки исходили из понятия о человеческой природе; благодаря этому оставались неразрешимыми важней-

шие вопросы человеческого развития. Учение Маркса придало делу совершенно другой оборот: между тем как человек, для поддержания своего существования, — сказал Маркс, — воздействует на природу вне его, он изменяет свою собственную природу. Следовательно, дело научного объяснения исторического развития надо начинать с противоположного конца: надо выяснить, каким образом совершается этот процесс производительного воздействия человека на внешнюю природу.

...На почве данного состояния производительных сил складываются известные отношения производства, которые получают свое идеальное выражение в правовых понятиях людей и в более или менее «отвлеченных правилах», в неписаных обычаях и писаных законах. Доказывать это нам уже нет надобности: это, как мы видели, доказывает за нас современная наука права (пусть читатель припомнит, что говорит по этому поводу г. Ковалевский). Но не мешает взглянуть на это дело с другой, именно вот с какой стороны. Раз мы выяснили себе, каким образом правовые понятия людей создаются их отношениями производства, нас уже не удивят следующие слова Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие (то есть форму их общественного существования), а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Теперь мы уже знаем, что, по крайней мере, по отношению к одной области сознания это действительно так и почему это так. Нам остается только решить, всегда ли это так, и если да, то почему же это всегда так? Будем держаться пока тех же правовых понятий.

«На известной ступени своего развития производительные силы общества вступают в противоречие с существующими в этом обществе отношениями производства, или, выражая то же самое юридическим языком, — с отношениями собственности, внутри которых они развивались до сих пор. Из форм, содействовавших развитию производительных сил, эти отношения превращаются в препятствие для их развития. Тогда наступает эпоха общественного переворота».

Общественная собственность на движимость и недвижимость возникает вследствие того, что она удобна, больше того — необходима для процесса первобытного производства. Она поддерживает существование первобытного общества, она содействует дальнейшему развитию его производительных сил, и люди держатся за нее, они считают ее естественной и необходимой. Но вот, благодаря этим отношениям собственности и внутри их, производительные силы развились настолько, что открылось более широкое поле для приложения индивидуальных усилий. Теперь общественная собственность становится в некоторых случаях вредной для общества, она препятствует дальнейшему развитию его производительных сил, и потому она уступает место личному присвоению: в правовых учреждениях общества совершается более или менее быстрый переворот.

Этот переворот необходимо сопровождается переворотом в правовых понятиях людей: люди, которые прежде думали, что хороша только вещественная собственность, стали думать теперь, что в некоторых случаях лучше единоличное присвоение. Впрочем, нет, мы выражаемся неточно, мы изображаем как два отдельных процесса то, что совершенно неразделимо, что представляет лишь две стороны одного и того же процесса: вследствие развития производительных сил должны были измениться фактические отношения людей в процессе производства, и эти новые фактические отношения выразились в новых правовых понятиях.

...Данным состоянием производительных сил обуславливаются внутренние отношения данного общества. Но ведь этим же состоянием обуславливаются и внешние его отношения к другим обществам. На почве этих внешних отношений у общества являются новые нужды, для удовлетворения которых вырастают новые органы. При поверхностном взгляде на дело взаимные отношения отдельных обществ представляются как ряд «политических» действий, не имеющих прямого отношения к экономии. В действительности в основе междуобщественных отношений лежит именно экономия, определяющая собою как действительные (а не внешние только) поводы к междуплеменным и международным отношениям, так и их результаты. Каждой ступени в развитии производительных сил соответствует своя система вооружения, своя военная тактика, своя дипломатия, свое международное право. Конечно, можно указать много случаев, в которых международные столкновения не имеют прямого отношения к экономии. И никому из последователей Маркса не придет в голову оспаривать существование таких случаев. Они говорят только: не останавливайтесь на поверхности явлений, спускайтесь глубже, спросите себя, на какой почве выросло данное международное право? Что создало возможность данного рода международных столкновений? — и вы придете, в конце концов, к экономии. Правда, рассмотрение отдельных случаев затрудняется тем, что в борьбу вступают нередко общества, переживающие неодинаковые фазисы экономического развития.

Припомним теперь, что говорит Маркс об отношении экономии к праву и политике.

«Правовые и политические учреждения складываются на почве фактических отношений людей в общественном процессе производства. До поры, до времени эти учреждения содействуют дальнейшему развитию производительных сил народа, процветанию его экономической жизни». Это точные слова Маркса, и мы спрашиваем первого встречного добросовестного человека, заключается ли в этих словах отрицание значения политических отношений в развитии экономии и опровергают ли Маркса те люди, которые напоминают ему об этом значении? Не правда ли, что такого отрицания у Маркса нет и следа и что указанные люди ровно ничего

не опровергают? До такой степени — правда, что считаться приходится с вопросом не о том, опровергнут ли Маркс, а о том, отчего же так плохо его поняли?

...Политические учреждения влияют на хозяйственную жизнь. Они или содействуют развитию этой жизни, или препятствуют ему. Первый случай нисколько не удивителен с точки зрения Маркса, так как данная политическая система затем и создается, чтобы содействовать дальнейшему развитию производительных сил (сознательно или бессознательно создается — для нас в данном случае решительно все равно). Второй случай нисколько не противоречит этой точке зрения, так как исторический опыт показывает, что, раз данная политическая система перестает соответствовать состоянию производительных сил, раз она превращается в препятствие для их дальнейшего развития, она начинает клониться к упадку и, наконец, устраняется. И мало того, что этот случай не противоречит учению Маркса: он наилучшим образом его подтверждает, потому что именно он показывает, в каком смысле экономия господствует над политикой, каким образом развитие производительных сил опережает политическое развитие народа.

...Экономическая эволюция ведет за собою правовые перевороты. Нелегко понять это метафизику, который, хотя и кричит о взаимодействии, привык рассматривать явления одно после другого и одно независимо от другого. Напротив, без труда понимает это человек, хоть немного способный к диалектическому мышлению. Он знает, что количественные изменения, постепенно накапливаясь, приводят, наконец, к изменениям качества и что эти изменения качества представляют собою моменты скачков, прерывов постепенности.

...Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собою определенную группировку людей в общественном производственном процессе, то есть определенные отношения производства, то есть определенную структуру всего общества. А раз дана структура общества, нетрудно понять, что ее характер отразится вообще на всей психологии людей, на всех их привычках, нравах, чувствах, взглядах, стремлениях и идеалах. Привычки, нравы, взгляды, стремления и идеалы необходимо должны приспособиться к образу жизни людей, к их способу добывания себе пропитания (по выражению Пешеля). Психология общества всегда целесообразна по отношению к его экономии, всегда соответствует ей, всегда определяется ею. Тут повторяется то же явление, которое еще греческие философы замечали в природе: целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразное самым характером своим осуждено на гибель. Выгодно ли для общества в его борьбе за существование это приспособление его психологии к его экономии, к условиям его жизни? Очень выгодно, потому что привычки и взгляды, не соот-

ветствующие экономии, противоречащие условиям существования, помешали бы отстаивать это существование. Целесообразная психология так же полезна для общества, как хорошо соответствующие своей цели органы полезны для организма. Но сказать, что органы животных должны соответствовать условиям их существования, — значит ли это сказать, что органы не имеют значения для животного? Совершенно наоборот. Это значит — признать их колоссальное, их существенное значение. Только очень слабые головы могут понять дело иначе. Вот то же самое, как раз то же самое, господа, и с психологией. Признавая, что она приспособляется к экономии общества, Маркс тем самым признавал ее огромное, ничем не заменимое значение.

...Что основная причина общественно-исторического процесса есть развитие производительных сил — это мы говорим слово в слово с Марксом, так что здесь никакого противоречия не имеется. Следовательно, если оно где-нибудь существует, то только по вопросу об отношении экономики общества к его психологии. Посмотрим же, существует ли оно.

Пусть читатель припомнит, как возникает частная собственность. Развитие производительных сил ставит людей в такие отношения производства, при которых личное присвоение некоторых предметов оказывается более удобным для производительного процесса. Сообразно с этим изменяются правовые понятия первобытного человека. Психология общества приспособляется к его экономии. На данной экономической основе роковым образом возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка. Но с другой стороны, каждый новый шаг в развитии производительных сил ставит людей в их повседневной житейской практике в новые взаимные положения, не соответствующие отживающим отношениям производства. Эти новые, небывалые положения необходимо отражаются на психологии людей, очень сильно ее изменяют. В каком же направлении? Одни члены общества отстаивают старые порядки, это люди застоя. Другие — те, которым невыгоден старый порядок, — стоят за поступательное движение, их психология видоизменяется в направлении тех отношений производства, которыми заменяются со временем старые, отживающие экономические отношения. Приспособление психологии к экономии, как видите, продолжается, но медленная психологическая эволюция предшествует экономической революции.

Раз совершилась эта революция, устанавливается полное соответствие между психологией общества и его экономией. Тогда на почве новой экономики происходит полный расцвет новой психологии. В течение некоторого времени это соответствие остается ненарушимым, оно даже все более и более упрочивается. Но мало-помалу показываются ростки нового разлада: психология передового класса по указанной выше причине опять переживает старые отношения производства: ни на минуту не переставая

приспособляться к экономии, она опять приспособляется к новым отношениям производства, составляющим зародыш экономии будущего. Ну, разве же это не две стороны одного и того же процесса?

До сих пор мы иллюстрировали мысль Маркса главным образом примерами из области имущественного права. Это право есть, несомненно, та же идеология, но идеология первого, так сказать, низшего порядка. Как надо понимать взгляд Маркса на идеологию высшего порядка: на науку, на философию, на искусство и т.д.?

В развитии этих идеологий экономия является основой в том смысле, что общество должно достигнуть известной степени благосостояния для того, чтобы выделить из себя известный слой людей, посвящающих свои силы исключительно научным и прочим подобным занятиям. Далее, вышеприведенный взгляд Платона и Плутарха показывает, что самое направление умственной работы в обществе определяется его отношениями производства. О науках еще Вико сказал, что они вырастают из общественных нужд. По отношению к такой науке, как политическая экономия, это ясно для всякого, кто хоть немного знаком с ее историей. Граф Пеккио справедливо заметил, что политическая экономия в особенности подтверждает то правило, что практика всегда и везде предшествует науке. Конечно, и это можно истолковать в очень отвлеченном смысле, можно сказать: «ну, разумеется, для науки нужен опыт, и, чем больше опыта, тем полнее наука». Дело не в том. Сравните экономические взгляды Аристотеля или Ксенофонта со взглядами Адама Смита или Рикардо, и вы увидите, что между экономической наукой Древней Греции, с одной стороны, и экономической наукой буржуазного общества — с другой, существует не только количественная, но и качественная разница: совсем иная точка зрения, совсем иное отношение к предмету. Чем объясняется эта разница? Да просто тем, что изменились самые явления: отношения производства в буржуазном обществе не похожи на античные отношения производства. Различные отношения в производстве создают различные взгляды в науке. Мало этого. Сравните взгляды Рикардо со взглядами какого-нибудь Бастиа, и вы увидите, что эти люди различно смотрят на отношения производства, оставшиеся по своему общему характеру неизменными, — на буржуазные отношения производства. Почему это? Потому, что в эпоху Рикардо эти отношения только еще расцветали, только еще упрочивались, а во время Бастиа они уже начали клониться к упадку. Различные состояния тех же самых отношений производства необходимо должны были отразиться на взглядах тех людей, которые их защищали.

Или возьмем науку государственного права. Как, почему развивалась ее теория? «Научная разработка государственного права, — говорит профессор Гумплович, — начинается лишь там, где господствующие классы приходят между собой в столкновение по поводу принадлежащей каждо-

му из них сферы власти. Так, первая большая политическая борьба, с которой мы встречаемся во второй половине европейских средних веков, борьба между светской и духовной властью, борьба между императором и папой, дает первый толчок развитию немецкой науки государственного права. Вторым спорным политическим вопросом, внесшим раздвоение в среду господствующих классов и давшим толчок публицистической разработке соответствующей части государственного права, был вопрос об избрании императоров» и т.д.

...До сих пор мы говорили, что, раз даны производительные силы общества, дана и его структура, а следовательно, и его психология. На этом основании можно было приписать нам ту мысль, что от экономического положения данного общества можно с точностью умозаключить к складу его идей. Но это не так, потому что идеологии каждого данного времени всегда стоят в теснейшей — положительной или отрицательной — связи с идеологиями предшествующего времени. «Состояние умов» всякого данного времени можно понять только в связи с состоянием умов предшествующей эпохи. Конечно, ни один класс не станет увлекаться такими идеями, которые противоречат его стремлениям. Каждый класс всегда прекрасно, хотя и бессознательно, приспосабливает к своим экономическим нуждам свои «идеалы». Но это приспособление может произойти различным образом, и почему оно совершается так, а не иначе, это объясняется не положением данного класса, взятого в отдельности, а всеми частностями отношения этого класса к его антагонисту (или к его антагонистам). С появлением классов противоречие становится не только двигающим, но и формирующим началом.

Но какова же роль личности в истории идеологий? Брюнэттьер придает индивидууму огромное значение, независимое от среды. Пюйо утверждает, что гений всегда творит что-нибудь новое.

Мы скажем, что в области общественных идей гений опережает своих современников в том смысле, что он ранее их схватывает смысл новых, нарождающихся общественных отношений. Следовательно, здесь невозможно и говорить о независимости гения от среды. В области естествознания гений открывает законы, действие которых, конечно, не зависит от общественных отношений. Но роль общественной среды в истории всякого великого открытия сказывается, во-первых, в подготовке того запаса знаний, без которого ни один гений ровно ничего не сделает, а во-вторых, в направлении внимания гения в ту или другую сторону. В области искусства гений дает наилучшее выражение преобладающей эстетической склонности данного общества или данного общественного класса. Наконец, во всех этих трех областях влияние общественной среды сказывается в доставлении меньшей или большей возможности развития гениальных способностей отдельных лиц.

Конечно, мы никогда не сумеем объяснить влиянием среды всю индивидуальность гения, но это еще ничего не доказывает.

Баллистика умеет объяснить движение артиллерийского снаряда. Она умеет предвидеть его движение. Но она никогда не сумеет сказать вам, на сколько именно частей разорвется данный снаряд и куда именно полетит каждый отдельный осколок. Однако этим немало не ослабляется достоверность тех выводов, к которым приходит баллистика. Нам нет надобности становиться на идеалистическую (или на эклектическую) точку зрения в баллистике: с нас совершенно достаточно механических объяснений, хотя — кто спорит? — эти объяснения и оставляют темными для нас «индивидуальные» судьбы, величину и форму отдельных осколков.

... С точки зрения Маркса невозможно противопоставление «субъективных взглядов «личности» взглядам «толпы», «большинства» и т.д., как чему-то объективному. Толпа состоит из людей, а взгляды людей всегда «субъективны», так как те или другие взгляды составляют одно из свойств субъекта. Объективны не взгляды «толпы», объективны те отношения в природе или обществе, которые выражаются в этих взглядах. Критерий истины лежит не во мне, а в отношениях, существующих вне меня. Истинны взгляды, правильно представляющие эти отношения; ошибочны взгляды, искажающие их. Истинна та естественно-научная теория, которая верно схватывает взаимные отношения явлений природы; истинно то историческое описание, которое верно изображает общественные отношения, существовавшие в описываемую им эпоху. Там, где историку приходится изображать борьбу противоположных общественных сил, он неизбежно будет сочувствовать той или другой, если только сам не превратился в сухого педанта. В этом отношении он будет субъективен независимо от того, сочувствует он меньшинству или большинству. Но такой субъективизм не помешает ему быть совершенно объективным историком, если только он не станет искажать те реальные экономические отношения, на почве которых выросли борющиеся общественные силы. Последователь же «субъективного» метода забывает об этих реальных отношениях, и потому он не может дать ничего, кроме своего драгоценного сочувствия или своей страшной антипатии, и потому он поднимает большой шум, упрекая своих противников в оскорблении нравственности всякий раз, когда ему говорят, что этого мало. Он чувствует, что не может проникнуть в тайну реальных общественных отношений, и потому всякий намек на их объективную силу кажется ему оскорблением, насмешкой над его собственным бессилием. Он стремится потопить эти отношения в воде своего нравственного негодования.

С точки зрения Маркса оказывается, стало быть, что идеалы бывают всякие: и низменные, и возвышенные, и правильные, и ошибочные. Правильный идеал, соответствующий экономической действительности. Субъ-

ективисты, слышащие это, скажут, что если я стану приспосабливать мои идеалы к действительности, то я сделаюсь жалким прислужником «ликующих». Но они скажут это единственно потому, что они в своем качестве метафизиков не понимают двойственного, антагонистического характера всякой действительности. «Ликующие» опираются на уже отживающую действительность, под которой зарождается новая действительность, действительность будущего, служить которой — значит содействовать торжеству «великого дела любви».

Читатель видит теперь, соответствует ли «действительности» то представление о марксистах, согласно которому они не придают никакого значения идеалам. Это представление оказывается прямой противоположностью «действительности». Если говорить в смысле «идеалов», то надо сказать, что теория Маркса есть самая идеалистическая теория, которая когда-либо существовала в истории человеческой мысли. И это одинаково верно как по отношению к ее чисто научным, так и по отношению к ее практическим задачам.

...Гольбах, Гельвеций и их последователи направляли все свои усилия к тому, чтобы доказать возможность материалистического объяснения природы. Даже отрицание врожденных идей не вело этих материалистов дальше рассмотрения человека как члена животного царства... Они не пытались разяснить историю человека с своей точки зрения, а если и пытались (Гельвеций), то их попытки окончились неудачей. Но человек становится «субъектом» только в истории, потому что только в ней развивается его самосознание. Ограничиваться рассмотрением человека как члена животного царства — значит ограничиться рассмотрением его как «объекта», упустить из вида его историческое развитие, его общественную «практику», конкретную человеческую деятельность. Но упустить из вида все это — значит сделать материализм «сухим, мрачным, печальным» (Гёте). Мало того, это значит сделать его — и мы уже показали это выше — фаталистическим, осуждающим человека на полное подчинение слепой материи. Маркс заметил этот недостаток французского, и даже феербаховского, материализма и поставил себе задачей исправить его. Его «экономический» материализм является ответом на вопрос, как развивается «конкретная деятельность» человека, как в силу ее развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории. Когда будет хоть отчасти решен этот вопрос, материализм перестанет быть сухим, мрачным, печальным, он перестанет уступать идеализму первое место при объяснении деятельной стороны человеческого существования. Тогда он избавится от свойственного ему фатализма.

Чувствительные, но слабоголовые люди потому возмущаются против теории Маркса, что принимают ее первое слово за последнее. Маркс говорит: при объяснении субъекта посмотрим, в какие взаимные отноше-

ния люди становятся под влиянием объективной необходимости. Раз известны эти отношения, можно будет выяснить, как развивается под их влиянием человеческое самосознание. Объективная действительность поможет нам выяснить субъективную сторону истории. Вот тут-то и прерывают обыкновенно Маркса чувствительные, но слабоголовые люди. Тут-то и повторяется обыкновенно нечто удивительно похожее на разговор Чацкого с Фамусовым. — «В процессе производства своей общественной жизни люди наталкиваются на известные, определенные, от их воли не зависящие отношения: отношения производства»... — Ах, батюшки, он фаталист!... — На экономической основе возвышаются идеологические надстройки... — Что говорит! и говорит, как пишет! Он совсем не признает роли личности в истории!... — Да выслушайте же хоть раз; ведь из предыдущего следует, что... — Не слушаю, под суд! Под нравственный суд активно-прогрессивных личностей, под явный надзор субъективной социологии!!

Чацкого выручило, как известно, появление Скалозуба. В спорах русских последователей Маркса с их строгими субъективными ценителями дело принимало до сих пор другой оборот. Скалозуб зажимал рот Чацким, и тогда Фамусовы субъективной социологии вынимали из ушей пальцы и говорили с сознанием своего превосходства: да ведь они и сказали-то всего два слова; их взгляды остаются совершенно невыясненными.

Еще Гегель говорил, что всякую философию можно свести на бессодержательный формализм, если ограничиваться простым повторением ее основных положений. Но и этим грехом Маркс не грешен. Он не ограничивался повторением того, что развитие производительных сил лежит в основе всего исторического движения человечества. Редкий мыслитель сделал так много, как он, для развития своих основных положений.

...Наши человекоподобные предки, как и все другие животные, находились в полном подчинении природе. Все их развитие было тем совершенно бессознательным развитием, которое обуславливалось приспособлением к окружающей их среде путем естественного подбора в борьбе за существование. Это было темное царство физической необходимости. Тогда не загоралась даже заря сознания, а следовательно, и свободы. Но физическая необходимость привела человека на такую ступень развития, на которой он стал мало-помалу выделяться из остального животного мира. Он стал животным, делающим орудия. Орудие есть орган, с помощью которого человек воздействует на природу для достижения своих целей. Это орган, подчиняющий необходимость человеческому сознанию, хотя на первых порах лишь в очень слабой степени, если можно так выразить, — лишь клочками, урывками. Степень развития производительных сил определяет меру власти человека над природой.

Развитие производительных сил само определяется свойствами окружающей людей географической среды. Таким образом, сама природа дает человеку средства для ее же подчинения.

Но человек не в одиночку ведет борьбу с природой: с ней борется, по выражению Маркса, общественный человек, то есть более или менее значительный по своим размерам общественный союз. Свойства общественного человека определяются в каждое данное время степенью развития производительных сил, потому что от степени развития этих сил зависит весь строй общественного союза. Таким образом, это строение определяется в последнем счете свойствами географической среды, дающей людям большую или меньшую возможность развития их производительных сил. Но раз возникли известные общественные отношения, дальнейшее их развитие совершается по своим собственным внутренним законам, действие которых ускоряет или замедляет развитие производительных сил, обуславливающее историческое движение человечества. Зависимость человека от географической среды из непосредственной превращается в посредственную. Географическая среда влияет на человека через общественную. Но благодаря этому отношение человека к окружающей его географической среде становится до крайности изменчивым. На каждой новой ступени развития производительных сил оно оказывается не тем, чем было прежде. Географическая среда совсем иначе влияла на британцев времен Цезаря, чем влияет она на нынешних обитателей Англии. Так разрешает современный диалектический материализм противоречия, с которыми никак не могли справиться просветители XVIII века.

Развитие общественной среды подчиняется своим собственным законам. Это значит, что ее свойства так же мало зависят от воли и от сознания людей, как и свойства географической среды. Производительное воздействие человека на природу порождает новый род зависимости человека, новый вид его рабства: экономическую необходимость. И чем более растет власть его над природой, чем более развиваются его производительные силы, тем более упрочивается это новое рабство: с развитием производительных сил усложняются взаимные отношения людей в общественном производственном процессе, ход этого процесса совершенно ускользает из-под их контроля, производитель оказывается рабом своего собственного производства (пример: капиталистическая анархия производства).

Но — подобно тому как окружающая человека природа сама дала ему первую возможность развития его производительных сил, а следовательно, и его постепенного освобождения из-под ее власти — отношения производства, общественные отношения, собственной логикой своего развития приводят человека к сознанию причин его порабощения экономиче-

ской необходимостью. Этим дается возможность нового и окончательно торжества сознания над необходимостью, разума над слепым законом.

Осознав, что причина его порабощения его собственным продуктом лежит в анархии производства, производитель («общественный человек») организует это производство и тем самым подчиняет его своей воле. Тогда оканчивается царство необходимости и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью. Пролог человеческой истории сыгран, начинается история.

Таким образом, диалектический материализм не только не стремится, как это приписывают ему противники, убедить человека, что нелепо восставать против экономической необходимости, но он впервые указывает, как справиться с нею. Так устраняется неизбежный фаталистический характер, свойственный материализму метафизическому. И точно таким же образом устраняется всякое основание для того пессимизма, к которому, как мы это видели, необходимо приводит последовательное идеалистическое мышление. Отдельная личность есть лишь пена на поверхности волны, люди подчинены железному закону, который можно лишь узнать, но который невозможно подчинить человеческой воле, говорил Георг Бюхнер. Нет, отвечает Маркс, раз мы узнали этот железный закон, от нас зависит свергнуть его иго, от нас зависит сделать необходимость послушной рабой разума.

...Диалектический материализм говорит: человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является ее продуктом. Но раз явился этот продукт, он не должен и по самой природе своей не может подчиняться завещанной прежней историей действительности, он по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, сделать ее разумной.

...Диалектический материализм не ограничивает, подобно субъективизму, прав человеческого разума. Он знает, что права разума необъятны и неограниченны, как и его силы. Он говорит: все, что есть разумно в человеческой голове, то есть все то, что представляет собою не иллюзию, а истинное познание действительности, непременно перейдет в эту действительность, непременно внесет в нее свою долю разумности.

Отсюда видно, в чем заключается, по мнению материалистов-диалектиков, роль личности в истории. Далекие от того, чтобы сводить эту роль к нулю, они ставят перед личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный, термин, надо признать совершенно, исключительно идеалистической. Так как человеческий разум может восторжествовать над слепой необходимостью, только познав ее собственные, внутренние законы, только побив ее ее собственной силой, то развитие знания, развитие человеческого сознания является величайшей, благороднейшей задачей мыслящей личности...

Но если уже давно сказано, что никто не зажигает светильника для того, чтобы оставить его под спудом, то материалисты-диалектики прибавляют: не следует оставлять светильника в тесном кабинете «интеллигенции»! Пока существуют «герои», воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, — царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама «толпа» станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой «толпе», разовьется соответствующее этому самосознание. Развивайте человеческое сознание, — сказали мы. Развивайте самосознание производителей, — прибавляем мы теперь. Субъективная философия кажется нам вредной именно потому, что она мешает интеллигенции содействовать развитию этого самосознания, противопоставляя толпу героям, воображая, что толпа есть не более, как совокупность нулей, значение которых зависит лишь от идеалов становящегося во главе ее героя.

Было бы болото, черти будут, — грубо говорит народная пословица. Были бы герои, толпа для них найдется, — говорят субъективисты; и эти герои — это мы, это субъективная интеллигенция. На это мы отвечаем: ваше противопоставление героев толпе есть простое самомнение и потому самообман. И вы останетесь простыми... говорунками до тех пор, пока не поймете, что для торжества ваших же идеалов надо устранить самую влажность такого противопоставления, надо разбудить в толпе героическое самосознание.

Мнения правят миром, — говорили французские материалисты: мы представители мнений, поэтому мы демиурги истории, мы герои, за которыми толпе остается следовать.

Эта узость взглядов соответствовала исключительности положения французских просветителей. Они были представителями буржуазии.

Современный диалектический материализм стремится к устранению классов: он и появился тогда, когда это устранение сделалось исторической необходимостью. Поэтому он обращается к производителям, которые должны сделаться героями ближайшего исторического периода. Поэтому, в первый раз с тех пор, как наш мир существует и земля обращается вокруг солнца, происходят сближение науки с работниками: наука спешит на помощь трудящейся массе; трудящаяся масса опирается на выводы науки в своем сознательном движении.

Текст печатается по: Плеханов Г.В.
Избр. филос. произв. В 5-ти т. М., 1956. Т. 1.

В.И. ЛЕНИН

К вопросу о диалектике

Раздвоение единого и познание противоречивых частей его (см. цитату из Филона о Гераклите в начале III части («О познании») Лассалевско-го «Гераклита») есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей «Метафизике» постоянно бьется около этого и борется с Гераклитом... с гераклитовскими идеями).

Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров («например, зерно»; «например, первобытный коммунизм». Тоже у Энгельса. Но это «для популярности»...), а не как закон познания (и закон объективно-го мира).

В математике + и — . Дифференциал и интеграл.

В механике действие и противодействие.

В физике положительное и отрицательное электричество.

В химии соединение и диссоциация атомов.

В общественной науке классовая борьба.

Тождество противоположностей («единство» их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно; в известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе). Условие развития всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени само движение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект и т.д.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения».

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Русская предфилософия	6
Иларион	
Слово о законе и благодати	27
Поучения Владимира Мономаха	
Интерес к миру, к природе и человеческой	
деятельности	33
Этические проблемы	33
Кирилл Туровский	
Явления природы — символы религиозных понятий	35
Нил Сорский	
Предание и устав	36
Иосиф Волоцкий	
Слово против ереси	39
Максим Грек	
Беседа души с умом	43
Симеон Полоцкий	
Вертоград многоцветный	52
Глава II. Русская философия XVIII века	59
В.Н. Татищев	
Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ	81
А.Д. Кантемир	
Письма о природе и человеке. Материя и ум	86
М.В. Ломоносов	
Физическая диссертация о различии смешанных тел	92

Элементы математической химии	92
Заметки по физике и корпускулярной философии	94
Опыт теории о нечувствительных частицах тел	
и вообще о причинах частных качеств	95
Письмо к Леонарду Эйлеру от 5 июля 1748 года	96
Г.С. Сковорода	
Разговор пяти путников о истинном щастии в жизни	97
О помысле общем	98
О промысле особенном для человека	98
Кольцо	99
О Боге	100
Я.П. Козельский	
Философические предложения	101
Философия	101
Метафизика	102
О вещи	102
О принадлежностях вещи	103
О психологии	105
О воле	105
О разуме	108
Н.И. Новиков	
Статьи по истории философии	109
О великости духа русских людей	109
О достоинстве человека в отношениях	
к Богу и миру	109
Истины	111
А.Н. Радищев	
О человека, его смертности и бессмертии	114
О познании	114
О материи и духе	116
Об общем законе бытия	120
Глава III. XIX век — расцвет отечественной философии	122
Философские взгляды народников	158
П.Я. Чаадаев	
Философические письма. Письмо первое	193
А.С. Хомяков	
Несколько слов православного христианина	
о западных вероисповеданиях	209
Несколько слов о философическом письме	
(Письмо г-же Н.)	211

И.В. Киреевский	
О необходимости и возможности новых начал для философии. Статья первая	218
А.И. Герцен	
Дилетантизм в науке. Статья первая	229
Письма об изучении природы	240
С того берега	251
Глава IV. Русская религиозная философия	255
Вл.С. Соловьев	
Всеединство	291
Богочеловечество	295
Эволюционизм	297
Социальный идеал	298
В.В. Розанов	
Теоцентризм	301
Пол в понимании Розанова	301
Христианство и социализм	302
О «Темном лике» Христа	303
Об обсуждении христианством рождения	304
Е.Н. Трубецкой	
Смысл жизни	306
Божественная идея и свобода твари	308
Мир, как относительное небытие: его положительные и отрицательные потенции	311
П.А. Флоренский	
У водоразделов мысли [диалектика]	314
Н.А. Бердяев	
Культура	322
Свобода	323
Философское познание	323
Марксизм и идеализм	324
Смысл творчества	326
Н.О. Лосский	
Познание внешнего мира	328
Л.И. Шестов	
О материализме	337
И.А. Ильин	
Диалектика	341
Г.Г. Шпет	
Очерк развития русской философии. Невегласие	348

А.Ф. Лосев	
Философия имени	356
Глава V. Марксистская философия в России	364
Г. В. Плеханов	
К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.	
Глава пятая. Современный материализм	385
В.И. Ленин	
К вопросу о диалектике	399
Материализм и эмпириокритицизм (О махизме)	401
Карл Маркс	402
Учение Маркса	402
Философский материализм	403
Диалектика	404
Материалистическое понимание истории	406
А.А. Богданов	
Философия живого опыта	409
Эмпириомонизм	409
А. Трудовая причинность	409
В. Элементы опыта	410
С. Объективность	413
Д. Социоморфизм	415
Е. Подстановка	416
Г. Картина мира	417
А.М. Деборин	
Философия и марксизм. Маркс и Гегель	419
В.Ф. Асмус	
Задача пересоздания действительности и философия ...	441
М.М. Бахтин	
Проблема речевых жанров	454
Э.В. Ильенков	
Учиться мыслить!	458
М.К. Мамардашвили	
Фундаментальные философские абстракции	475